

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Вопрос об этническом составе древнего населения междуречья Волги и Оки — области, где в течение средневековья сложилась великорусская народность, — привлекает к себе пристальное внимание исследователей. В трудах археологов, этнографов, антропологов и лингвистов делаются попытки выяснить, что представляло собой древнейшее население этого лесного края и в каком отношении к нему стояли поволжские финно-угорские племена. Очень интересными являются наблюдения, свидетельствующие о пропикновении сюда еще в отдаленной древности индоевропейских этнических элементов, оказавших значительное влияние на местных жителей и подготовивших почву для последующего распространения в западных частях междуречья балтийского (лето-литовского) и славянского населения. Особенной популярностью пользуется тема о взаимоотношениях славянских и финно-угорских племен в I тысячелетии н. э., подводящая нас вплотную к проблеме формирования русского населения в восточной части междуречья — в области Владимиро-Суздальской Руси. Этой последней теме, наиболее хорошо освещенной в литературе, посвящена и настоящая статья.

I

После длительной дискуссии вокруг «мерянского вопроса», возникшей в середине прошлого века благодаря известными раскопкам А. С. Уварова¹, вопросом состава населения Владимиро-Суздальской Руси IX—XII вв. занялся А. А. Спицын. В 1905 г. он решительно выступил против А. С. Уварова, относившего курганы восточной части междуречья Волги и Оки к мерянским древностям. А. А. Спицын установил, что курганы этой области принадлежали русскому населению, среди которого мерянский и другой финский элемент был незначительным². Вывод А. А. Спицына успешно выдержал проверку временем. Сейчас, спустя 50 лет, он полностью сохраняет свою силу.

Неизвестные А. С. Уварову древности поволжских финно-угорских племен середины и второй половины I тысячелетия н. э. — мери, муромы, черемисы, мордвы — были исследованы в конце прошлого века благодаря работам Ф. А. Уварова, А. В. Селиванова, А. И. Черепнина, В. А. Городцова, А. А. Спицына и др. В настоящее время археология располагает весьма значительным материалом, позволяющим охарактеризовать отдельные племена, определить, где и когда они проживали, и, наконец, обрисовать ход их взаимоотношений со славяно-русским населением. Особенно многим в этом отношении археологическая наука обязана П. П. Ефименко, П. С. Рыкову, Д. Н. Эдингу, А. И. Иванову, П. П. Иванову, а за последние годы А. Ф. Дубынину. Недавно А. П. Смирновым

¹ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I АС, т. II. М., 1871, стр. 633—847.

² А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 166.

был дан обобщающий очерк значительной части этих материалов¹, что позволяет мне при освещении древностей поволжских племен ограничиться самыми краткими суммирующими замечаниями.

На основании археологических данных — материалов могильников и поселений — можно говорить о значительном сходстве, о близком родстве культуры всех поволжских племен: мордвы, муромы, мари, мери и мешеры (если считать, что последняя являлась особым племенем). Об этом говорит одинаковый у всех племен ассортимент орудий труда, сходный облик жилищ, в общем однообразный костюм, изобилующий металлическими украшениями, одинаковая погребальная обрядность и др. Ряд особенностей культуры поволжских племен находит себе близкие параллели в культуре родственных им племен Прикамья. Некоторая общность вкусов обнаруживается у них и с чудскими племенами Прибалтики, что проявляется, прежде всего, в металлических украшениях костюма. Совсем иная картина выявляется при сравнении финно-угорских древностей с одновременными славянскими или славяно-балтийскими². Последние говорят об ином облике хозяйства, другой домостроительной традиции, совсем других вкусах в области костюма и предметов убора, о другой погребальной обрядности и т. д.

Картина расселения поволжских племен, выявленная на основании археологических исследований, полностью совпадает с данными Начальной летописи и других письменных источников (рис. 1). В бассейне Оки область распространения древних мордовских могильников доходит на западе до устья Москвы-реки, охватывает течение рек Мокши, Цны, Суры и достигает на востоке берегов Волги. Нижнее течение Оки и прилегающая часть междуречья Оки и Клязьмы заняты многочисленными древностями летописной муромы. В пределах Мещерской низменности известно несколько могильников своеобразного характера, обычно приписываемых мешере. Выше, по Волге, по правым притокам Клязьмы и у озер Неро и Плещеево, располагаются известные пока что в небольшом числе мерянские могильники, имеющие некоторые свои особенности. Наконец, по Ветлуге известны древние марийские (черемисские) могильники. Марийцам же (горной черемисе) принадлежат, вероятно, несколько могильников по правому берегу Волги, вблизи устья рек Суры и Свияги.

Область распространения поволжских финно-угорских племен изучена, конечно, далеко не равномерно. Археологам здесь еще предстоит сделать немало новых открытий. Но вряд ли они внесут что-либо существенное в обрисованную выше картину расселения поволжских племен; в частности, они не смогут изменить западную границу их расселения. Если провести на карте линию от г. Ярославля к г. Коломне, то к западу от нее будут лежать области, ныне густо заселенные, хозяйственно освоенные и относительно хорошо изученные в археологическом отношении. Предполагать, что здесь, в пределах Калининской, Московской и Тульской областей, могут быть обнаружены древности, в частности, могильники, подобные рязанским, муромским или известным ныне мерянским, конечно, не приходится.

В тех областях Поволжья, где ныне проживают мордовский и марийский народы, между археологическими памятниками древних племен и

¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов. Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.

² На основании исторических и лингвистических данных, известно, среди древнего населения Верхнего Поднепровья имелись родственные славянам балтийские (лето-литовские) племена, достигавшие на востоке верховьев Оки. Процесс вытеснения и поглощения этих племен славянами начался, по нашему мнению, очень рано — в конце I тысячелетия до н. э. и в начале нашей эры, в период широкого распространения раннеславянской зарубинецкой культуры. Несомненно, однако, что отдельные группы балтийского населения (голядь и др.) продолжали жить среди славян и в последующие столетия. Но их археологические памятники, вероятно, очень близкие славянским, пока что еще не отделены от последних.

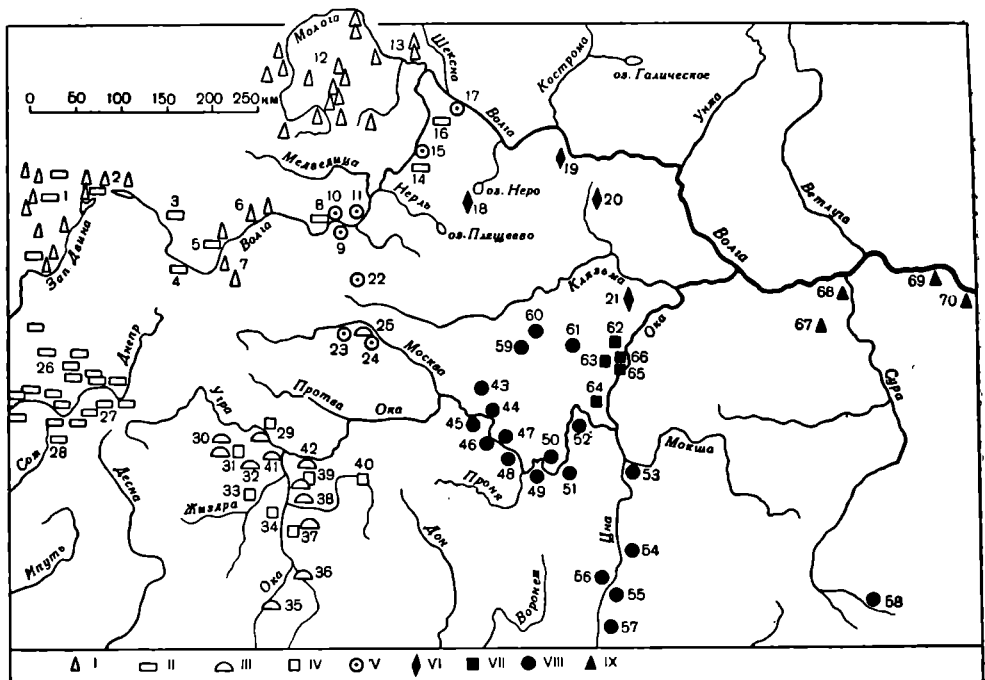

Рис. 1. Схема расположения различных групп наиболее известных археологических памятников середины и второй половины I тысячелетия н. э. в области Волго-Окского междуречья и по его периферии.

Славянские археологические памятники: I — сопки новгородских словен, II — длинные курганы кривичей, III — вятические курганы с сожжением, IV — городища мошнинского типа. Позднелядяковские городища Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки, V. Могильники племен Поволжья: VI — мерянские, VII — муромские, VIII — мордовские, IX горномарийские (черемисские).

I — группа сопок и длинных курганов в верховьях Западной Двины; 2 — сопки и длинные курганы на оз. Волго; 3 — курганы у погоста Коши; 4 — курганы у г. Зубцова; 5 — курганы у д. Боровая; 6 — сопки у дд. Урцево, Воеводино и Дуденево; 7 — сопки у дд. Воскресенская и Николо-Пустынь; 8 — курганы у с. Кузьминское; 9 — Ивановское городище; 10 — Санниковское городище; 11 — Пекунское городище; 12 — группа сопок по берегам р. Мологи; 13 — сопки у дд. Перекладная и Заречье; 14 — курган у д. Митино (устье р. Куксы); 15 — Грехорученское городище; 16 — курганы у с. Охотино; 17 — Березняковское городище; 18 — Сарский могильник; 19 — Подольский могильник; 20 — Хотимильский могильник; 21 — Холуйский могильник; 22 — Синьковское городище; 23 — Барвихинское городище; 24 — Дьяковское городище; 25 — курган у д. Беседы; 26 — группа длинных курганов в верховьях Днепра; 27 — курганы у дд. Арефино, Лопино, Милеево, Павлово и Бражины; 28 — курганы у д. Слобода Глушица; 29 — городище и курганы у с. Никола-Ленивец; 30 — курганы у дд. Шаньково, Почепок и Дубровка; 31 — Мошнинское городище; 32 — курганы у д. Кажани; 33 — Серенское городище; 34 — городище Дуна; 35 — курганы «Игрище»; 36 — курган в устье р. Зуши; 37 — Воронечские курганы и Федяшевское городище; 38 — курган у с. Доброе; 39 — курган у г. Лихвина и Акиншинское городище; 40 — городище у д. Поречье; 41 — курган у д. Горбенки; 42 — курганы у д. Ждамирово.
Могильники: 43 — Жабинский, 44 — Кузьминский; 45 — Вакинский; 46 — Борковский; 47 — Дубровицкий; 48 — Гавердовский; 49 — Шатрищенский; 50 — Облачинский; 51 — Кулаковский; 52 — Курманский; 53 — Кошибеевский; 54 — Томниковский; 55 — Елизавет-Михайловский; 56 — Крюково-Кужновский; 57 — Лядинский; 58 — Армьевский; 59 — Пустошенский; 60 — Новленский; 61 — Залопневский; 62 — Малышевский; 63 — Максимовский; 64 — Урванский; 65 — Подболотьевский; 66 — Муромский; 67 — Сергачский; 68 — Ивановский; 69 — Яндашевский; 70 — Криушинский

материалами этнографии наблюдается полная преемственность. Наряду с могильниками и местами поселений середины и второй половины I тысячелетия н. э. (а в некоторых местах и более ранними) там имеются могильники и другие памятники II тысячелетия н. э., преемственно смыкающиеся с бытовыми древностями мордвы и марийцев. В других областях, там, где финно-угорское население сменилось славяно-русским, археологические памятники позволяют более или менее точно установить время смены одного населения другим и выяснить особенности этого процесса.

В области рязанского течения Оки смена финно-угорского населения славянским произошла в течение VIII—IX вв., причем аборигены были здесь, по-видимому, вытеснены пришельцами-вятичами. Массовое рассе-

ление восточных славян в мерянских землях происходило несколько позже, начиная с конца VIII — начала IX в. В отличие от области рязанского течения Оки, местные жители не были вытеснены пришельцами. Здесь наблюдалось смешение населения. В курганах нередко встречаются мерянские вещи. Исторические и археологические данные свидетельствуют о том, что сначала среди немногочисленного и редкого местного населения здесь возникли «славянские острова». Затем, через два-три столетия роли переменялись: теперь уже ассимилируемое мерянское население сохранялось в виде отдельных «островов» среди многочисленного древнерусского крестьянства. Позже других сохранили свою самобытную культуру муромские племена и мешера. Исследования, проведенные за последние годы А. Е. Алиховой, Е. И. Горюновой и А. Ф. Дубыниным, свидетельствуют, что муромские могильники и поселения с характерными чертами культуры просуществовали вплоть до рубежа X—XI вв., сменившись памятниками общерусской средневековой культуры.

За последнее время рядом исследователей было высказано предположение, что отношения славяно-русского населения с древними мерянскими, мордовскими и муромскими племенами отнюдь не следует ограничивать рамками последних веков I тысячелетия н. э. и сводить к процессу оттеснения и ассимиляции местных племен в период широкого освоения древнерусским населением Владимиро-Суздальской земли. По мнению А. Ф. Дубынина, А. П. Смирнова и других специалистов в области археологии Поволжья, значительное и все возрастающее влияние славянской культуры на поволжские племена, свидетельствующее о тесных связях и контактах мери, муромы и мордвы со славянами, обнаруживается уже в середине I тысячелетия н. э.¹

Славянское влияние на культуру поволжских племен указанные исследователи видят, во-первых, в том, что в поволжских кладбищах, наряду с господствующим обрядом труположения, постоянно встречаются могилы, содержащие остатки сожжений — погребального обряда, особенно характерного для славянских племен. Впервые мысль о том, что сожжения в поволжских могильниках являются результатом славянского влияния, была высказана, кажется, еще Ю. В. Готье.

По этому поводу названным исследователям можно было бы возразить, указав, что сожжения были известны не только у славян, литовцев и других западных племен. Обряд сожжения наряду с труположением практиковался в Восточном Поволжье у населения ананьинской культуры; по-видимому, имевшего ближайшее отношение к древним финно-уграм. Но это возражение легко опровергнуть. Встречающийся в Прикамье в ананьинское время обряд сожжения не стал там традиционным обрядом. В последующее, пьяноборское время он уже не встречается. Самым же существенным аргументом в пользу того, что сожжения у финно-угорских племен Западного Поволжья появились под влиянием славянской обрядности, служит количественное соотношение случаев труположения и сожжения в разных местах и в разное время. Так, в более восточных областях Западного Поволжья, где постоянного контакта финно-угорских племен со славянами не могло быть, сожжения или совсем не встречаются, или встречаются очень редко, причем это относится как к более ранним могильникам (Кошибеевский, Сергачский), так и к более поздним, датируемым в значительной части второй половиной I тысячелетия н. э. (Муранский, Армиевский). Напротив, в рязанских могильниках (Борковский, Кузьминский и др.) количество сожжений достигает 10%, в Подболотьевском — 16,5%, в некоторых тамбовских могильниках — 16—17%. Очень убедительные выводы следует сделать из наблюдений А. Ф. Дубынина, установившего, что в муромском Малышевском могильнике в погребениях середины и третьей четверти I тысяче-

¹ А. Ф. Дубынин. Раскопки Малышевского могильника. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 91—96; А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 138—155.

тия н. э. сожжения встречены в $\frac{1}{3}$ могил; в погребениях конца I тысячелетия н. э. число сожжений увеличивается до $\frac{3}{4}$ общего количества, а в XI в., когда у славянского населения обряд сожжения повсеместно сменяется обычным погребением, в Малышевском могильнике также наблюдалось резкое падение числа сожжений. Такие же наблюдения были сделаны по материалам некоторых других муромских могильников.

А. П. Смирнов и другие авторы указывают, что появлению обряда кремации в среде поволжских племен сопутствовало появление вещей западного, в первую очередь славянского, происхождения — вещей с эмалью, фибул днепровского типа, керамики с темной лощеной поверхностью и др. Более того, в ряде случаев такие вещи были найдены в могилах с сожжением. «Эти могилы, — пишет А. П. Смирнов, — интересны соединением двух черт, необычных для местной культуры, — чуждого обряда захоронения (т. е. сожжения. — П. Т.) и чужих вещей»¹.

Мы не будем здесь останавливаться на других аргументах и некоторых частных темах, освещенных в связи с интересующим нас вопросом в работе А. П. Смирнова, а также в недавно опубликованной статье А. Л. Монгайт², ограничившись указанием, что из всего этого делается, по-видимому, справедливый вывод о том, что, начиная с середины I тысячелетия н. э., отношения поволжских племен со славянами отнюдь не ограничивались торговлей. Здесь имели место близкий и постоянный контакт и сопутствующее ему проникновение в финно-угорскую среду славянских элементов.

II

Где же обитали славяне, поддерживавшие тесный контакт с мордвой, муромой и мерей в середине и второй половине I тысячелетия н. э.?

Применительно к бассейну Оки на этот вопрос ответить очень просто. Вверх по Оке в нескольких десятках километров от наиболее западных древнемордовских могильников — Кузьминского и Вакинского — начинается область распространения археологических памятников славянского племени вятичей. Здесь имеются в виду характерные курганы с деревянными домиками внутри, служившими для помещения остатков кремаций, а также городища и селища³. Эти памятники относятся к IV—X вв.; позднее они преимущественно сменяются поселениями и курганами, характерными для периода Киевской Руси. Не может быть никаких сомнений в том, что именно отсюда, от населения, оставившего городища мощинского типа и курганы типа Шаньково и Почепок, проникли на Среднюю Оку в середине I тысячелетия н. э. вещи с эмалью, литые гривны с тройными кольцами на концах, лощеная посуда (и умение ее выделывать), обряд сожжения. В последующие столетия от вятичей или через вятичей к населению Средней Оки попадали пальчатые фибулы и другие, синхронные им изделия днепровских типов.

В области Верхнего Поволжья пути древнего контакта финно-угорских и славянских племен также вполне ясны. Заведомо славянские памятники середины и второй половины I тысячелетия н. э. — многочисленные сопки новгородских славян и длинные курганы — известны в верховьях Волги, вплоть до устья Мологи⁴. Можно считать, что они подходят очень близко к области мерянских могильников даже в том случае, если мы не примем во внимание длинные курганы конца I тысячелетия н. э., расположенные на берегах Волги ниже Калинина.

Таким образом, в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. западная граница поселений и могильников муромских и мерянских

¹ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 141.

² А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 167—173.

³ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 47—53.

⁴ Там же, стр. 45.

племен и восточная граница славянских памятников — вятических, словенских и кривических курганов — почти соприкасались. Разделявшая их область простиралась с запада на восток не более чем на 100—150 км.

Эта небольшая область, имевшая вид узкой полосы, охватывающей течение Волги между гг. Калининым и Щербаковым (Рыбинском), верховья Клязьмы и поречье Москвы-реки, отнюдь не была необитаемой. Археологическими памятниками жившего здесь в то время населения являются многочисленные позднедьяковские городища. Среди них можно назвать городища Дуденевское¹, Синьковское², Иваньковское (верхний слой)³, Санниковское (верхний слой)⁴, Пекуновское (верхний слой)⁵ и др. К этой же группе относится, вероятно, в поздний период своего существования известное Дьяковское городище под Москвой. К этой же группе позднедьяковских городищ принадлежит, несомненно, и Березняковское городище, расположенное ниже г. Щербакова на Волге⁶.

По своим внешним признакам перечисленные выше городища не отличаются от других древних городищ лесных областей Восточной Европы, представляя собой сравнительно небольшие укрепления, располагавшиеся на мысах коренных речных берегов и других возвышенностей. Мною не раз высказывалась мысль, что это были большесемейные укрепленные поселки. Реликтом такого поселка являлся, например большесемейный удмуртский двор (который отнюдь не следует рассматривать в качестве национальной особенности древней удмуртской культуры). Такой двор, прежде всего, отражает определенную ступень в развитии патриархально-семейных отношений.

Остатки материальной культуры, обнаруживаемые на городищах, во многом напоминают те находки, которые происходят с синхронных городищ из области поволжских финно-угорских племен. Наряду с этим имеются и существенные особенности, позволяющие выделить верхневолжские и москворецкие городища в особую группу.

Значительным элементом материальной культуры далекого прошлого были металлические украшения. Если обратиться к находкам, происходящим с верхневолжских и москворецких городищ, то нетрудно заметить, что состав украшений был здесь несколько иным, чем у древних мордовских, муромских и мерянских племен. Наряду с вещами, обычными для этих племен, в Верхнем Поволжье и поречье Москвы-реки были в употреблении украшения иного характера, известные в области верхнего течения Оки, в Верхнем Поднепровье и далее на запад.

Так, на городище у дер. Березняки было найдено при раскопках свыше 15 украшений. Из них четыре (гривна, две шумящие подвески и височное кольцо с круглым щитком) являются типичными для поволжских могильников; три предмета являются украшениями, специфическими для верхневолжских и москворецких позднедьяковских городищ, напоминающими пьяноборские (две бляшки и подвеска в виде утиной лапы), и, наконец, четыре вещи — два украшения с эмалью, арбалетовидная фибула и булава со спиральной головкой — должны быть охарактеризованы как славяно-балтийские. Остальные вещи (пряжки, застежки, колечки) не являются характерными⁷.

¹ А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 134—136.

² Е го же. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905, стр. 85—90.

³ О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 90—96.

⁴ Там же, стр. 96—109.

⁵ Там же, стр. 109—132.

⁶ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., МИА, № 5, 1941, стр. 51—68, 113—144.

⁷ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 66—68.

Можно ли, однако, говорить о том, что мы имеем здесь дело с иным составом украшений, чем у поволжских финно-угорских племен, в могильниках которых также встречаются вещи, происходящие из славянских и балтийских областей? Несомненно можно. В могильниках поволжских племен эти вещи встречаются единицами. Так, например, на многие тысячи вещей, известных из окских и поволжских могильников, имеется

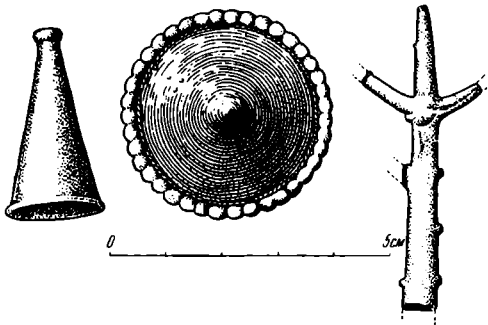

Рис. 2. Новые находки на Барвихинском городище

всего лишь две большие подковообразные застежки с эмалью (Кошибеевский могильник и Муромский могильник)¹, а среди трех десятков украшений, найденных на верхневолжских и москворецких городищах середины I тысячелетия н. э., нам известны три такие застежки (городище у дер. Кирьяново, из насыпи кургана Грехорученское, Дьяково)². Несомненно, что здесь они являлись обычным предметом убора. То же можно сказать о других вещах с эмалью и о бронзовых пирамидальных подвесках.

Среди немногочисленных украшений, происходящих с верхневолжских и москворецких городищ, они составляют значительный процент.

Одна пирамидальная подвеска была найдена на Барвихинском городище, под Москвой, вместе с двумя подвесками, обычными для окских могильников³. Пользуясь случаем, мы публикуем здесь еще три бронзовых украшения, найденные нами в 1952 г. при осмотре обнажений Барвихинского городища (рис. 2). Это — круглая бляха средней величины, напоминающая березняковскую, конусовидная подвеска и обломанный бронзовый стержень с отростками, являющийся, по-видимому, частью булавы с ажурным навершием, подобной булавам из городищ верхнего течения Оки и верховьев Днепра⁴. И здесь, следовательно, состав украшений оказывается смешанным, причем вещи верхнеокских и днепровских типов составляют свыше $\frac{1}{3}$ всех украшений.

Такая же точно картина выявляется на основании изучения керамики верхневолжских и москворецких городищ середины I тысячелетия н. э. Во многом она, несомненно, повторяет посуду, происходящую из могильников и поселений поволжских финно-угорских племен. Но наряду с этим здесь имеется посуда иного облика, известная по мощинским городищам и древним курганам верхнего течения Оки, в частности — посуда с лощеной поверхностью. Особенно много такой посуды на городищах более западных областей (Пекуновское, Синьковское)⁵; но она имеется в небольшом числе и на Березняковском городище⁶.

Теперь обратимся к таким элементам культуры, которые более определенно отличают верхневолжские и москворецкие городища от археологических памятников поволжских финно-угорских племен.

¹ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, вып. 25, 1901 табл. XXIX—XV.

² П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 35—37, 80—81; В. И. Сизов. Дьяково городище. Тр. IX АС, т. II. М., 1895, стр. 256—267

³ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 121.

⁴ А. Н. Ляуданский. Археологічныя досьледы у вадазборах рр. Сажа, Дняпра и Касплі ў Смаленскай губ. Працы археолог. камііі Беларуска. акад. наук, т. II, Менск, 1930, стр. 326.

⁵ О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге, стр. 131—132; А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа, стр. 88.

⁶ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 64.

Во всех случаях, когда на городищах Верхнего Поволжья и бассейна Москвы-реки производились раскопки, на них ни разу не были встречены жилища-землянки, обычные на городищах и поселениях поволжских финно-угорских племен (Городецкое, Минское, Сарское, Юрьевецкое и др.)¹. На верхневолжских и москворецких городищах жилища имели вид столбовых и срубных наземных построек, таких же, какие имелись в это время в области верхнего течения Днепра. Остатки таких построек были обнаружены О. Н. Бадером на Санниковском городище². Яма без очага, размером 1,80×2,15 м и глубиной 0,23 м, содержащая много костей, и обнаруженная около жертвенника на Барвихинском городище, которую иногда называют землянкой, жилищем, конечно, не являлась³. На различие в характере жилищ, найденных в Верхнем Поволжье и костромском течении Волги было указано мной еще в 1941 г.⁴

Недавно Е. И. Горюновой была сделана попытка оспорить тот очевидный факт, что жилища на Березняковском городище были наземными. По ее мнению, они представляли собой землянки, подобные землянкам Роданова городища на Каме⁵. Предлагаемая Е. И. Горюновой реконструкция березняковских жилищ противоречит фактическим данным.

Как известно, культурный слой Березняковского городища в средних частях площадки имел мощность 0,20—0,30 м⁶. Семь жилых сооружений, обнаруженных на городище, представляли собой рубленые из бревен дома с земляным полом и каменными очагами. При раскопках было обнаружено, что гумусный слой в средней части жилищ, особенно около очагов, имел несколько большую мощность, чем вне жилищ. В жилище I гумусный слой шел глубже общего уровня на 0,04—0,05 м, в жилище II — на 0,15—0,20 м, в жилище III (большой дом) — на 0,35 м, в жилище IV — на 0,10—0,15 м, в жилище VII, расположенном в северном ряду построек, — на 0,35 м, в двух жилищах в западной части города (X и XI), где мощность культурного слоя составляла 0,15—0,20 м, гумусный слой был углублен в материк на 0,05—0,10 м и на 0,03—0,05 м.

Уровень чистого материка не был, однако, уровнем пола жилищ. Очаги, разбитые сосуды и другие находки лежали на 0,05—0,10 м выше поверхности чистого материка, и это отмечено в публикации⁷. Следовательно, у большинства березняковских жилищ уровень пола лежал не ниже, а несколько выше среднего уровня материка или на уровне его.

Е. И. Горюнова, стремясь превратить березняковские жилища в землянки, в своих расчетах полностью игнорировала то обстоятельство, что уровень пола жилищ находился на 0,05—0,10 м выше уровня чистого материка. Затем она произвольно прибавила к приведенным выше цифрам предполагаемую ею (и явно завышенную) толщину древней почвы — 0,20 м. Наконец, для суммарной характеристики жилищ Е. И. Горюновой были взяты цифры, относящиеся не только к жилищам, но и к хозяйственным сооружениям (кузница и др.), у которых гумусный слой внутри стен был более мощным, чем у жилищ. Таким путем березняковские жилища превратились в полуземлянки.

Совсем уже фантастичными являются утверждения Е. И. Горюновой, что углубление пола в домах не доходило до самых стен, образуя как бы земляные скамьи, и что концы кровли упирались в землю. Основания

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований 1898 г. АИЗ, № 6 и 7. М., 1899, стр. 188; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 42; Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928, стр. 19—20, 102—103.

² О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 99—100.

³ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 114—115.

⁴ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 46—90.

⁵ Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, вып. 65, 1956.

⁶ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 114—120.

⁷ Там же, стр. 115 и 120.

Рис. 3. Остатки жилища № 2 на Березняковском городище. (Вид с юго-востока)

березняковских жилищ, погибших от пожара, сохранились, как известно, относительно хорошо. Ничего похожего на земляные скамьи вдоль стен там не было. Пол жилищ во всех случаях был ровный, постепенно и чуть заметно углубляющийся в средней части. Никаких следов упора кровли в землю также не имелось (рис. 3). Остатки жилищ, открытые М. В. Талицким на Родановом городище, судя по опубликованному отчету, выглядели совсем иначе, чем остатки березняковских жилищ¹.

Абсолютно ничего общего с березняковскими жилищами не имеет землянка Сарского городища, описанная Д. Н. Эдингом следующим образом: «В плане яма имела приблизительно прямоугольные очертания 3,55×3,55 м (по дневнику 2,75×3,35 м.— П. Т.); глубина ее, не считая культурного слоя,— 1,42 м, в одном углу находился очаг, сложенный из валунов и имевший форму буквы Г...»². Только пренебрежение к фактам позволяет назвать такую постройку «аналогичной березняковским». Также безосновательно Е. И. Горюнова называет «жилищами березняковского типа» упоминаемую выше яму без очага на Барвихинском городище; средневековые землянки г. Суздаля и даже подполье средневекового дома, открытое П. Н. Ворониным на «стрелке» в г. Ярославле³ (это подполье и землянку, открытую на Сарском городище, см. на рис. 4).

Одним из наиболее характерных элементов культуры верхневолжских и москворецких городищ являются «грузики дьякова типа», хорошо известные археологам. Они найдены на всех исследованных ныне городищах, нередко в значительном количестве. Большая серия таких грузиков происходит из Березняковского городища и селища «Красный холм» около Ярославля⁴. Далее на восток и юго-восток грузики встречаются очень редко, а вскоре и совсем пропадают. Насколько нам известно, их почти нет на городищах Костромской, Ивановской и Владимирской областей. Их нет в Рязанской области, они отсутствуют среди материалов, происходящих с городищ городецкой группы⁵. Иными словами, в областях, где распространены мордовские, муромские и мерянские могильники, «грузики дьякова типа» отсутствуют, если не считать единичных экзем-

¹ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22. 1951, стр. 36—42.

² Д. Н. Эдинг. Сарское городище, стр. 19—20, 102—103.

³ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 184—185.

⁴ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 68, 73—74, 126—130.

⁵ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 46.

пляров, происходящих преимущественно из пограничных окраин этих областей.

Иную картину мы увидим, если обратимся к материалам, происходящим из более западных областей, в частности и тех, куда городища дьякова типа с сетчатой керамикой не распространялись. За последние годы выяснилось, что «грузики дьякова типа» в большом количестве имеются

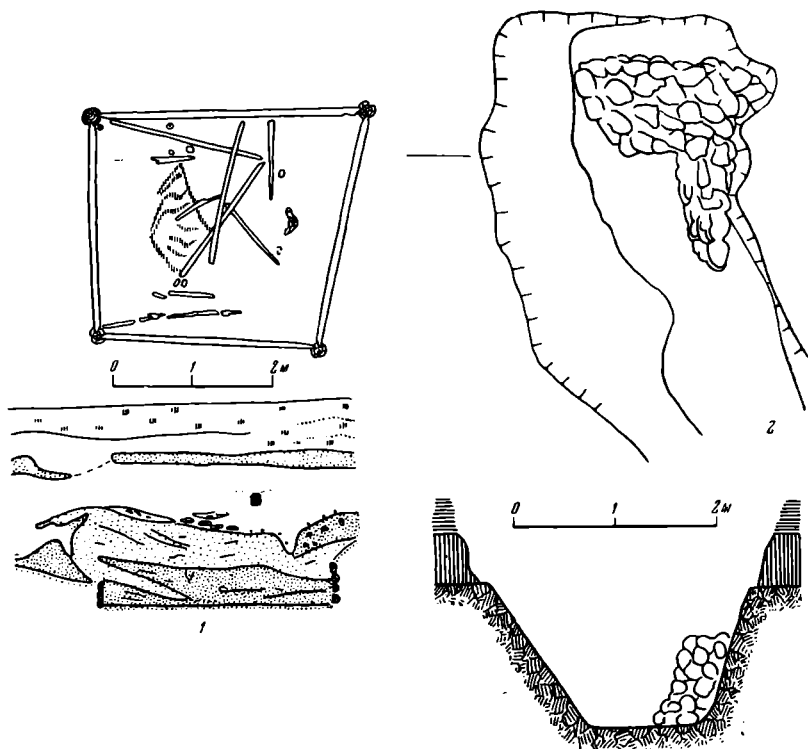

Рис. 4. Подполье средневековой постройки, раскопанное Н. Н. Ворониным в Ярославле (1). Землянка, открытая Д. Н. Эдингом на Сарском городище (2)

на древних славянских или балтийских (принадлежавших балтам) городищах Смоленщины, где они впервые были найдены еще А. Н. Лявданским. Кроме городища у дер. Пилички в бассейне Каспли, грузик с которого опубликован¹, можно назвать городища у дер. Новая Рудня, у дер. Лотвинова и у дер. Крутица в бассейне р. Сожа, городища у дер. Никола-Немощный и Церковище на Днепре и ряд городищ в верхнем течении р. Угры, с которых происходят характерные «грузики дьякова типа»². При раскопках городища «Тушемля» в верховьях Сожа, произведенных автором в 1955—1956 гг., «грузики дьякова типа» встречены в числе нескольких десятков. Они имеются также в верхнем течении Западной Двины³, но далее на запад, в коренные балтийские (лето-литовские) области, «грузики дьякова типа», как известно, не идут.

Нам до сих пор неизвестно, для чего служили эти своеобразные изделия — «грузики дьякова типа». Бесспорно лишь, что они могут рассматриваться в качестве характерного признака культуры, не свойственного поволжским финно-угорским племенам и ведущего нас от Верхнего Поволжья и берегов Москвы-реки в направлении Верхнего Поднепровья.

Остановимся на погребальной обрядности — также очень характер-

¹ А. Н. Лявданский. Ук. соч., стр. 333.

² Материалы Смоленского института краеведения, собранные Е. А. Шмидтом.

³ Я. В. Сташкевич. Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. Древние поселения и городища. Археологический сборник. Таллин, 1955, стр. 109.

ном и устойчивом этническом признаке, отличающем племена Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки от финно-угорских племен Поволжья.

Уже одно то обстоятельство, что традиционные рядовые могильники, имеющиеся в мордовских, муромских и мерянских землях, совсем неизвестны в Верхнем Поволжье и в бассейне Москвы-реки, говорит об иной племенной принадлежности жившего здесь населения. Единственным известным ныне погребальным памятником, принадлежащим этому населению, является «домик мертвых» Березняковского городища — маленькая постройка, служившая для хранения результатов кремаций, которую мы сравниваем с «домиками» под курганами, известными у вятичей.

Е. И. Горюнова считает, что вятические курганы являются лишь далекой и косвенной аналогией березняковскому «домику мертвых». Это, конечно, неверно. Известные в значительном числе вятические погребальные сооружения, как более ранние, относящиеся к середине I тысячелетия н. э. (Шаньково, Почепок и др.), так и более поздние (Боршево, и др.), представляли собой небольшой сруб, который помещался обычно под восточной полкой курганной насыпи и внутрь которого имелся доступ. В сруб помещались остатки кремаций в глиняных сосудах или без сосудов. Березняковский «домик» представлял собой такую же семейную усыпальницу, но расположенную на поселении и без курганной насыпи.

Е. И. Горюнова полагает, что березняковский домик мог быть финно-угорским погребальным сооружением, так как в древних мерянских, муромских, мордовских, марийских и других финно-угорских могильниках наряду с захоронениями имеются сожжения, а по этнографическим данным у этих народов кое-где известны надмогильные деревянные домины. Более того, Е. И. Горюнова сообщает, что домины были известны, например, абаканским тюркам и др.

Мы, в свою очередь, могли бы значительно продолжить перечень подобных фактов, говорящих о том, что обычай кремации умерших был распространен в древности у многих племен и народов, а также о том, что дом умершего — могила — многими народами оформлялась в виде деревянной постройки. Но это было бы бесполезным занятием, потому, что в данном случае важны не отдельно взятые признаки (кремация и наличие домины), а определенное сочетание признаков, свидетельствующее об определенном погребальном обряде. Ни у поволжских, ни у приуральских финно-угорских племен, ни в археологических, ни в этнографических материалах ни разу не был отмечен «домик мертвых», куда сыпались бы результаты нескольких кремаций. Такие домины имелись в европейской части СССР лишь у вятичей; нечто подобное было известно и другим восточнославянским племенам. Такой именно «домик мертвых» открыт на Березняковском городище — одном из верхневолжско-москворецких городищ, население которых было непосредственным соседом вятичей, поддерживало с ними постоянные связи, получало от них вещи с эмалью и другие предметы.

Напомним также, что обряд кремации у поволжских финно-угров многими исследователями рассматривается как результат славянского влияния, о чем речь уже шла выше.

Итак, судя по металлическим украшениям и керамике, культура обитателей верхневолжских и москворецких городищ в середине I тысячелетия н. э. носила смешанный характер: элементы, свойственные поволжским финно-угорским племенам, сочетались в ней с элементами славянского и балтийского происхождения. Судя по характеру наземных жилищ и «грузикам дьякова типа», их культура более тяготела к западу, к области Верхнего Поднепровья. О том, что обитатели верхне-волжских и москворецких городищ отличались от мери, муромы и мордвы, говорит также и погребальная обрядность.

Кем же являлись в таком случае в этническом отношении обитатели позднедьяковских городищ Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки,

окруженные мерей, муромой и мордвой — на востоке, а на западе — вятичами, кривичами, словенами, и, вероятно, какими-то балтийскими (лето-литовскими) племенами?

Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать ниже, после рассмотрения некоторых данных, относящихся к предшествующему периоду исторической жизни обитателей Волго-Окского междуречья.

III

При решении вопроса об этнической принадлежности обитателей верхневолжских и москворецких городищ большое значение имеет тот факт, что их культура была результатом развития более ранней дьяковской культуры — культуры городищ с сетчатой (текстильной) керамикой. Я полагаю, что в этой связи не может возникнуть никаких сомнений и поэтому не буду заниматься аргументацией сказанного. Напомню лишь, что все исследованные ныне верхневолжские и москворецкие городища, функционировавшие в середине I тысячелетия н. э., имеют более древние слои с сетчатой керамикой. Городище у дер. Березняки не составляет в этом отношении какого-либо исключения. Среди находок, сделанных на городище, имеется в небольшом количестве сетчатая керамика¹.

Городища с сетчатой керамикой существовали в течение длительного времени, начиная с VII—VI вв. до н. э. Им предшествовали открытые поселения с такой же керамикой, относящиеся к концу II и началу I тысячелетия до н. э., и увязывающиеся генетически с местными поздненеолитическими культурами. Иными словами, дьяковская культура в лесной полосе Восточной Европы имела глубокие местные корни.

По мнению большинства исследователей, вполне разделяемому и автором этих строк, культуру городищ с сетчатой керамикой следует связывать с одной из групп древних финно-угорских или протофинно-угорских племен. Они и очень близкие им городища с рогожной керамикой (так называемые городецкие) занимали в Поволжье и на Оке ту самую область, где позднее обитали мордовские, муромские и мерянские племена. Они были распространены в Верхнем Поволжье и бассейне Москвы-реки. Отсюда городища с сетчатой керамикой шли широкой полосой на северо-запад — к Ладожскому и Онежскому озерам (где лежали впоследствии земли веси), к Финскому и Рижскому заливам, где обитали прибалтийские чудские племена, и заходили на территорию Карелии и Финляндии. В бассейне Днепра и в области верхнего течения Оки городища с сетчатой керамикой, как уже указывалось, не встречаются; там обитали племена с другой культурой. В юго-восточной Прибалтике область распространения городищ с сетчатой керамикой доходила местами до берегов Западной Двины и лишь в некоторых местах (главным образом, у моря) переходила на ее левый берег². Следует еще добавить, что границы области городищ с сетчатой керамикой в основных чертах совпадают с границами финно-угорской топонимики (не говоря о территории Прикамья и Приуралья).

Признавая, что культура дьяковских и близких им городецких городищ является в целом финно-угорской, нельзя, однако, не учитывать большую сложность исторических судеб финно-угров, что нашло свое выражение в глубоких различиях, отличающих друг от друга современные финно-угорские языки. В частности, нельзя не учитывать древних связей этих племен с индоевропейцами. Именно в этом свете следует рассматривать и те различия, которые наблюдаются в культуре верхневолжских и москворецких городищ, с одной стороны, и археологических памятников более восточных областей, с другой.

¹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 66.

² См. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР (под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта). М., 1956, стр. 373 и 530.

Разница в культуре населения указанных областей наблюдалась не только в середине I тысячелетия н. э., но и в более раннее время.

За последние годы были исследованы несколько древних городищ в бассейне верхнего течения Днепра и верховья Оки, т. е. в тех областях, куда дьяковская культура не распространялась. Эти исследования целиком подтвердили высказанное мной еще в 1941 г. предположение, что в бассейне верхнего течения Днепра и по его периферии имела своеобразная культура городищ I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры, близкая юхновской культуре среднего и нижнего течения р. Десны¹. Для этой культуры, время которой определяется неоднократно находками бронзовых изделий гальштатско-латенских типов, была характерна глиняная посуда без сетчатого узора, скупо орнаментированная в верхней части ямочными или иными вдавлениями².

Мной было также обращено внимание на то, что такая же точно глиняная посуда, иногда круглодонная (что особенно характерно для городищ южной Белоруссии), оказалась вместе с раннедьяковской в нижних частях культурного слоя ряда верхневолжских городищ, в частности городища у с. Городище, около г. Калязина, и городища у с. Городок, около железнодорожной станции Волга, недалеко от Щербакова³. Верхние слои этих городищ дают обычный дьяковский материал. Жилища на городищах были наземными, столбовой конструкции, о чем говорят ямы от многочисленных столбов. Подобные же находки были сделаны Н. Н. Ворониным в Ярославле⁴.

Иные материалы происходят с древних городищ более восточной области, где, начиная с середины I тысячелетия н. э., были известны мерянские, муромские, и мордовские могильники. В керамике древних костромских городищ нет днепровских элементов, но зато прослеживаются особенности, характерные для ананьинской посуды Прикамья⁵. На ранних городищах, как и на поздних, нет «дьяковских грузиков». Наличие «ананьевидной керамики», пряслиц, грузиков и некоторого числа рогожной керамики, характерных для городецкой культуры, по словам А. П. Смирнова⁶, является характерным для городищ муромского течения Оки. Что же касается ранних городищ древней мордовской территории, то они целиком относятся, как известно, к городецкой культуре.

Сейчас еще очень трудно сказать что-либо определенное относительно причин, обусловивших различия в культуре городищ восточной и западной части Волго-Окского междуречья. Культура поселений с сетчатой керамикой возникла, как указывалось выше, на основе местных культур эпохи неолита и бронзы. Но какую-то и, по-видимому, немалую роль в ее формировании сыграли и фатьяновские племена, которые рассматриваются большинством археологов в качестве индоевропейцев. В Верхнем Поволжье имеется ряд поселений с сетчатой керамикой, в материале которых очень сильны фатьяновские традиции (Ворокса, Говядиново)⁷. Что же касается ранних днепровских и верхнеокских городищ, то в формировании их культуры роль среднеднепровских племен III и II тысячелетий до н. э., близко родственных фатьяновским, была, по-видимому, решающей.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что население Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки в течение многих веков находилось в тесном контакте с населением Верхнего Поднепровья и вер-

¹ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 13—16.

² Т. Н. Никольская. Городище у дер. Свинухово. КСИИМК, вып. 49, 1953, стр. 93—95.

³ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 22—27; его же. Восточнославянские племена, стр. 90—91.

⁴ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, стр. 190.

⁵ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 30.

⁶ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 47.

⁷ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 18; В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, IX, 1947, стр. 218.

ховьев Оки — населением, судя по всему, индоевропейским — протославянским или балтославянским. С первых веков нашей эры, когда в области Верхнего Поднепровья (на Десне и на Верхней Оке) появилась культура зарубинецкого типа и когда на Смоленщине с IV в. н. э. появляются «длинные курганы», а в верховьях Оки — древнейшие курганы с деревянными домиками, наличие здесь славян несомненно¹.

Выше уже шла речь о том, что древняя мордовская область на Оке около Рязани в середине I тысячелетия н. э. испытывала на себе славянское воздействие, а в течение VII—IX вв. стала славянской. Мерянские земли вокруг озер Неро и Плещеево ославянились в IX в. Можно ли сомневаться, что области Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки, издавна прочно связанные с Верхним Поднепровьем и верховьями Оки, пережили аналогичный процесс уже в середине I тысячелетия н. э.

В тех условиях, до возникновения феодальных отношений и могучей средневековой славянской культуры, этот процесс имел, несомненно, свои особенности. Он протекал, очевидно, так же, как и в более западных и северных областях, где славяне в первой половине и середине I тысячелетия н. э. нередко оказывались в балтийской и западнофинно-угорской среде и где элементы местной культуры смешивались с пришлой, славянской культурой.

При настоящем состоянии наших знаний нельзя поэтому точно определить, кто жил, скажем, на Березняковском городище — было ли это уже значительно «ославяненное» местное население, или городище было сооружено славянской общиной, далеко продвинувшейся на восток, что более вероятно, исходя из особенностей погребального ритуала. Березняковский погребальный домик мог, наконец, принадлежать вятической семье, жившей совместно с ославяненными финно-уграми. Несомненно лишь, что мы имеем здесь дело с процессом распространения славян и их культуры на северо-восток. Иного ответа на поставленный выше вопрос быть не может.

То, что культура древнего населения Верхнего Поволжья и поречья Москвы-реки отличалась от культуры населения более восточных областей, занятых в I тысячелетии мерянскими, муромскими и мордовскими племенами, было выяснено автором этих строк еще в начале 40-х годов XX в. Тогда же было установлено, что обитатели верхневолжских и москворецких городищ были связаны с обитателями более западных областей. Но удовлетворительного толкования этим наблюдениям тогда не было дано². В настоящее время, когда изучение археологических памятников в области Верхнего Поднепровья и смежных областях Поволжья значительно продвинулось вперед и когда в науке преодолены тенденции «гипертрофированного автохтонизма», обрисованные выше данные позволяют, как видим, более четкое и определенное объяснение.

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 228—245. В упомянутой выше статье Е. И. Горюновой сказано, что раскопки последних лет «убедительно показали», будто бы славяне появились в Смоленской области и Белоруссии не ранее VI в. Эта дата взята буквально «с потолка». Некоторые дореволюционные археологи считали, что наиболее ранними славянскими памятниками Верхнего Поднепровья были курганы типа гнездовских IX—X вв. Если считать, что славянскими являются длинные курганы, то они восходят к IV в. Я полагаю (и это мнение разделяется очень многими), что наиболее ранними бесспорно славянскими памятниками Смоленщины являются могильники и поселения зарубинецкой культуры, появляющиеся здесь в начале нашей эры. В отчетах Е. А. Шмидта, производившего раскопки на Смоленщине, на которые ссылается в своей статье Е. И. Горюнова (стр. 22), нет никаких определенных данных по вопросу о времени появления там славян. Отчеты Я. В. Станкевич посвящены раскопкам не на Смоленщине и в Белоруссии, а около Великих Лук, т. е. далеко на севере. В своей последней статье Я. В. Станкевич считает, что в верховьях Зап. Двины славяне расселились не в VI в., а к середине I тысячелетия н. э. (см. Древние поселения и городища. Археологический сборник. Таллин, 1955, стр. 109). Таким образом, ссылка на Е. А. Шмидта и Я. В. Станкевич попали в статью Е. И. Горюновой, по-видимому, по недоразумению.

² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 30—32; его же. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 30, 46, 85, 90—91.